

**«Свобода воли» по Лейбницу: этическая ловушка и радикальная
контингентность**

Введение: За пределами этического

В философии мы нередко сталкиваемся с тем, что привычные нам способы мышления становятся ловушкой. Одной из таких ловушек является наше глубоко укоренившееся этическое мировоззрение. Мы привыкли мыслить в категориях «я» — некой автономной сущности, обладающей внутренней сценой, на которой разыгрывается драма выбора. Это «я» перебирает варианты, принимает решения и несет за них ответственность. Данная перспектива — это и есть область этики.

Однако что, если попытаться выйти за пределы этой системы координат? Философия **Готфрида Вильгельма Лейбница** предлагает именно такой путь — выход за пределы этического. Проблема заключается в том, что мы инстинктивно пытаемся осмыслить этот выход, оставаясь в рамках самой этики. Мы пытаемся убрать в сторону то, что встроено в саму структуру нашего мышления. Чтобы обойти эту ловушку, необходимо погрузиться на метафизическую глубину, где само понятие свободы воли предстает в совершенно ином свете.

Привычная нам свобода воли — это свобода этическая. Мы представляем себе «я» как некую защищенную область, вакуум, внутри которого мы автономны от внешних воздействий и можем свободно выбирать. Мы ищем эту свободу *внутри* актуального мира, как островок независимости в океане причинно-следственных связей.

Лейбниц же утверждает: такой пустоты внутри мира вы не найдете. Но это не означает отсутствия свободы. Свобода воли, по **Лейбницу**, носит не «интра-физический», а «мета-физический», онтологический характер. Она находится не *внутри* мира, а как бы *между* возможными мирами.

Между детерминизмом и произволом: третий путь Лейбница

Дискуссия о свободе воли исторически сводилась к двум крайностям:

1. **«Августинианство» (фатализм / детерминизм):** свободы воли нет, а есть лишь предопределенность, все поступки необходимы и не могли бы быть иными.
2. **«Пелагианство» (волютаризм):** свобода как чистый произвол, как выбор в ситуации «50 на 50». (**Лейбниц** отвергает эту идею, ссылаясь на парадокс Буриданова осла, который, не имея достаточного основания для выбора, умрет от голода между двумя одинаковыми охапками сена).

Лейбниц предлагает третий путь, пролегающий между этими двумя полюсами. Он утверждает, что свобода воли подчиняется **Принципу достаточного основания** (ПДО).

Ключевое слово здесь — «достаточного» (фр. *suffisant*), которое противопоставляется «необходимому». У каждого нашего поступка есть основание, что исключает произвол волюнтаризма. Благодаря этому основанию у нас возникает **склонность** (фр. *appetition*) — некоторое стремление в определенную сторону. Мы действуем согласно этой склонности, которая всегда перевешивает, будь то 51% против 49% или более значительная разница.

Но — и это принципиально важно — это основание является достаточным, но *не необходимым*. Это означает, что **могло быть иначе**. Склонность не отменяет того факта, что альтернативные варианты были возможны. В этом и заключается ключевое отличие от «жесткого» детерминизма.

Возражение Арно и проблема идентичности Адама

На первый взгляд, это решение может показаться казуистикой, игрой в слова. Какая разница, назовем мы причину поступка «предопределенностью» или «склонностью», если в итоге мы все равно совершим только этот поступок и никакой другой?

Эту же претензию предъявлял **Лейбницу** его современник, теолог **Антуан Арно**. В их знаменитой переписке **Арно** утверждал, что, согласно концепции **Лейбница**, Адам не мог не совершить грехопадение. Следовательно, никакой свободы у него не было.

В своем ответе **Лейбниц** соглашается, что в нашем, актуальном мире Адам действительно совершает грехопадение. Но этот мир — **наилучший из возможных**, но не единственно возможный. Существуют и другие **возможные миры**: мир, где Адам не согрешил: и поскольку альтернативы существовали, поступок Адама не был необходимым.

Арно возразил: какая разница, что существуют другие возможные Адамы в других мирах? Нашего конкретного Адама, находящегося в актуальном мире, это никак не спасает от предопределенности.

И здесь **Лейбниц** наносит решающий удар по привычной логике. Он заявляет, что **Арно** неправ, предполагая существование «множества Адамов». Адам существует **только в одном, актуальном мире**.

Чтобы понять это, нужно задаться вопросом: а кто такой Адам? Как его определить? Любое определение — «первый человек», «живший в Эдемском саду» — будет недостаточным. Чтобы полностью определить идентичность Адама, нам потребуется перечислить *бесконечное* количество его свойств и отношений со всем сущим. Фактически, полное определение Адама будет равно **определению всего того мира**, в котором он существует.

«Возможные миры» и радикальная контингентность

Из этого следует поразительный вывод. Индивид неотделим от своего мира. Существо в другом возможном мире, которое похоже на Адама, но не совершило грехопадение, — это уже не Адам. Это совершенно иная сущность, поскольку даже одно измененное свойство влечет за собой изменение всей бесконечной цепи связей, то есть всего мира.

Таким образом, не существует инварианта, некой «адамовости», которая сохранялась бы при переходе между мирами. Возможные миры **Лейбница** — это не версии нашей реальности с мелкими изменениями. Это радикально иные, абсолютно уникальные и несопоставимые реальности.

Этот факт **Лейбниц** описывает через понятие **контингентности** (от лат. *contingentia* — случайность, возможность). Контингентность означает, что существование нашего мира не является необходимым. Могло быть совершенно иначе. И эта «инаковость» — не просто косметическая. Она тотальна. Именно это понятие **радикальной контингентности** становится ключом к пониманию свободы воли, лежащей за пределами этики.

Свобода: выбор или переживание?

Мы привыкли отождествлять свободу с актом выбора. Вот есть «я» — некий **«этический инвариант»**, неизменная точка отсчета. А вот варианты действий, как блюда в меню. Свобода в этой модели — это возможность выбрать одно из блюд. Однако сам этот инвариант, наше «я», является **фундаментальным ограничением**, рамкой, внутри которой и происходит так называемый выбор.

Лейбниц предлагает взглянуть на свободу иначе. Где мы более свободны: когда выбираем из нескольких predetermined вариантов, будучи привязанными к своему «я», или когда сталкиваемся с **радикальной контингентностью** — осознанием того, что даже само наше «я» не является необходимостью?

Свобода по **Лейбницу** — это не выбор, а *переживание*. Это переживание того факта, что **ВСЁ могло быть иначе**. Не просто поступки, а вся ткань реальности, **включая нас самих**. Это не абстрактная мысль, а непосредственно ощущаемый **онтологический факт**.

Это можно назвать **«окном контингентности»**. В нашей повседневной жизни, в рамках этического мышления, это «окно» закрыто. Мы живем в замкнутой структуре, уверенные в незыблемости мира и нашего «я». Мы озабочены выбором, его последствиями и моральной ответственностью. Этот груз заставляет нас искать правильные решения, обращаться к психологам или эзотерикам, чтобы кто-то научил нас жить.

Но это «окно» может открыться. И тогда мы переживаем, что все вокруг — не необходимость, а лишь **один из бесконечного числа возможных вариантов**. Мы ощущаем свободу не просто от конкретных обстоятельств, но и от собственной идентичности, которая приковывает нас к этому миру и этой ситуации выбора. Это **свобода без «я», свобода от самого себя**.

Это переживание **радикальной инаковости** не нужно искать где-то вовне. Доступ к нему находится внутри нас. Мы живем посреди возможных миров, и осознание этого факта освобождает нас из тюрьмы актуальности. Мы можем «отключить» опцию контингентности и вернуться в замкнутый мир детерминизма и волюнтаризма. А можем держать это «окно» открытым.

Критика идентичности: почему Лейбниц радикальнее Юма и буддизма

Идея иллюзорности «Я» не нова. Дэвид Юм утверждал, что наше «я» — это лишь пучок или поток впечатлений (*impressions*). В буддизме «Я» также рассматривается как искусственная конструкция, синтез элементарных психофизических состояний, **дхарм**.

На первый взгляд кажется, что Лейбниц говорит о том же. Однако и Юм, и буддисты, критикуя «Я», все равно производят акт идентификации. Они говорят: «Я» *есть* поток впечатлений, «Я» *есть* синтез дхарм. Они заменяют одну идентичность на другую. Но для нашего непосредственного переживания ничего не меняется — мы все так же ощущаем свое «Я» как некую данность, пусть и названную «иллюзией». Сама фраза «Я — это синтез» уже утверждает существование «Я», которое является этим синтезом.

Радикальность Лейбница заключается в ином. Он предлагает помыслить «Я» без идентичности, выбрав для этого правильный «элементарный компонент». Этот компонент — не «впечатления» и не «дхармы». Это сами **возможности**.

Составные части «Я»: «блуждающие» возможности

Вспомним онтологию Лейбница. Реальность состоит из возможностей. Когда они согласованы, скоординированы и интегрированы друг с другом, возникает плотная ткань актуального мира, который мы воспринимаем как физическую реальность.

Но не все возможности интегрированы. Существуют «свободные», или «блуждающие», **возможности**, которые не вписаны в эту общую гармонию. Именно эти «разреженные», не до конца актуализированные возможности и составляют то, что мы называем нашими «ментальными состояниями», нашими мыслями и переживаниями. Наше «Я», наша душа — это и есть «очаг», «сгущение» таких «блуждающих» возможностей.

Именно здесь и кроется решение проблемы. Чем возможность принципиально отличается от любого другого «элемента» — впечатления, дхармы, атома? Тем, что в саму ее природу вписана **контингентность**. Возможность по определению означает: «могло быть иначе».

Следовательно, «контингентность» — это не что-то внешнее, о чем мы можем размышлять. Она является **тем, из чего мы состоим**. Внутри нашей идентичности зияет фундаментальный разрыв. Наше «Я» — это и есть сумма «могло быть иначе». Мы никогда не тождественны самим себе, потому что мы сотканы из чистой потенциальности.

Таким образом, «окно контингентности» открывается не куда-то вовне, а **внутри нас самих**. Нам не нужно строить сложные теории, чтобы избавиться от иллюзии «Я». Достаточно осознать, что каждое наше «ментальное состояние» — это возможность, указывающая на радикальную свободу **быть иным (или не быть вовсе)**. И это непосредственное переживание и есть подлинная свобода воли по Лейбницу.

От этики к переживанию радикальной контингентности

Мы привыкли мыслить свободу через призму **этики**. Однако, чтобы по-настоящему понять мысль Лейбница, нам нужно найти альтернативу этому подходу. Такой альтернативой становится **переживание**, а точнее — **непосредственное переживание**

или **непосредственная данность свободы**. Это переживание чего-то фундаментального — **радикальной контингентности**.

Прежде чем двигаться дальше, давайте определим, что мы понимаем под этическим подходом. Этика всегда предполагает наличие некоего **«инварианта»** — неизменного «Я». Это «Я» выступает точкой отсчета, относительно которой совершается выбор. Мы говорим: «Вот есть я, а вот есть варианты действий, и я выбираю». В этой модели свобода — это возможность поступить иначе *относительно* своего «Я».

Однако в этической системе не всё может быть иначе. Само «Я» остается неизменным, оно — тот стержень, который не подвергается сомнению. Всё остальное может меняться, но субъект выбора остается константой.

Альтернатива, которую мы ищем, заключается в переживании **радикальной контингентности**. Что это значит? Это осознание того, что **всё может быть иначе**. В отличие от этической модели, здесь нет никакого **«инварианта»**, никакого неизменного «Я». Это не просто интеллектуальное допущение, а непосредственное переживание реальности как поля чистых возможностей. Основа мира, его «ткань» — это не свершившиеся факты, а бесконечная **потенциальность, виртуальность**. И наше собственное «Я» в этой системе — не монолитный субъект, а лишь **серия возможностей**.

«Этическая реконструкция»: иллюзия выбора

Так почему же мы так упорно держимся за этическую модель с ее инвариантным «Я»? Потому что мы постоянно производим то, что можно назвать **«этической реконструкцией»**.

По **Лейбницу**, мы всегда следуем некоей **склонности**. Нас что-то влечет совершить определенное действие, и мы его совершаем. Однако **постфактум** (после факта) мы создаем для себя **«внутреннюю сцену»**, на которой разыгрываем драму выбора. Мы говорим себе: «У меня был выбор. Я мог поступить иначе». Мы реконструируем ситуацию так, будто следование склонности было результатом долгого и мучительного выбора между различными вариантами.

Этот процесс и есть **этическая реконструкция**. Мы вводим фиктивный **«инвариант»** («Я — тот, кто выбирает»), чтобы придать своим действиям моральное измерение и сохранить иллюзию автономии. Мы создаем внутреннюю ментальную сцену, где разворачивается выбор из вариантов, хотя в действительности мы просто последовали естественной склонности. Эта реконструкция помещает нас в своего рода **временную петлю**, где мы снова и снова проигрываем сценарии выбора, исходя из стабильности нашего Эго.

Таким образом, чтобы прорваться к подлинному переживанию реальности как **радикальной контингентности**, нам необходимо совершить ключевую операцию: избавиться от этой «внутренней сцены». Нам нужно перестать воспринимать наши ментальные состояния и переживания как основу для выбора и вернуть им их исходный онтологический статус — статус чистых **возможностей**.

Этика против этикета: Диоген и Фил Коннорс

Чтобы проиллюстрировать отказ от этической реконструкции, снова обратимся к фильму «День сурка». Анализируя поведение главного героя, **Фила Коннора**, в последний день его временной петли, мы можем увидеть переход от **этики** к чистому **этикету**.

Эти два понятия часто путают, но на самом деле они противоположны.

- **Этика** отвечает на вопрос «Что мне делать?». Она исходит из автономии «Я» и предполагает, что человек может сделать что угодно. Это создает тревожную неопределенность.
- **Этикет** — это набор ритуальных правил поведения, который отвечает на вопрос «Как себя вести?». Его главная функция — **снижать неопределенность** и создавать предсказуемое, общее поле для взаимодействия.

Этикет — это защитный механизм от той абсолютной свободы, которую провозглашает этика. Он создает предсказуемость и гармонию.

Начало этики как философской дисциплины можно связать с фигурой киника **Диогена**. Он был философом-этиком в чистом виде, но у него категорически отсутствовал этикет. Его поведение было вызовом всем социальным нормам. Формула **Диогена: этика без этикета**.

В последний день петли **Фил Коннорс** воплощает противоположный принцип: **этикет без этики**. Его действия лишены внутреннего выбора и моральной рефлексии. Он спасает человеку жизнь и в следующую секунду дает девушке прикурить с одной и той же невозмутимостью. Его слова благодарности пусты и ритуальны. Это не этические поступки, а следование некоему внутреннему ритуалу, чистому этикету. Единственный раз, когда он проявляет эмоции, — это когда мальчик, которого он спас, не говорит «спасибо», то есть нарушает правила этикета.

Приглашение Вселенной: «Наилучший из миров»

Действие фильма неслучайно происходит во время праздника. **Праздник** — это метафора максимально **синхронизированного** и **гармонизированного** целого. Все люди участвуют в общем ритуале, их действия скоординированы. Это и есть модель мироздания по **Лейбницу** — предустановленная гармония, синхронизация всех возможностей.

В предыдущие дни Фил, находясь в парадигме **этики**, пытался навязать этому миру свою волно, исходя из своего эгоцентричного «Я». Он постоянно задавался вопросом «Что мне сделать?», перебирая цели и варианты, но оставался чужд этому миру.

В последний же день он перестает выбирать. Вместо этого он начинает **участвовать**. Как это происходит? Мир сам открывает для него «окна возможностей». Любое **нарушение** гармонии, любой «рассинхрон» (падающий мальчик, подавившийся человек, спущенное колесо) становится точкой, в которую Фил автоматически, без рефлексии, **интегрируется**. Он не спасает мальчика, потому что это «хорошо», а потому что падение — это «дыра» в ткани праздника, которую нужно «заткнуть».

Он больше не наблюдатель, отделенный от мира, а **элемент ситуации**. Происходит то, что можно назвать **рассеиванием «Я»**. Его Эго «растворяется», он становится частью «интерфейса» мироздания.

Этот опыт Фила напрямую отсылает нас к главной идее **Лейбница**. Мы живем в **наилучшем из миров**, но не видим этого, потому что постоянно производим **этическую реконструкцию**. Мы оцениваем мир, исходя из своего «Я», считаем его несовершенным и бунтуем против него, пытаюсь навязать свои цели.

Лейбниц же предлагает иное. Мир — это не враждебная система, а гармоничное целое, которое постоянно **приглашает** нас к участию. Он сам раскрывается перед нами через эти «нарушения», предлагая нам встроиться в него и помочь ему актуализироваться. Задача не в том, чтобы переделать мир, а в том, чтобы **раскрыть его как наилучший**.

Это не приказ и не моральный долг. Это вежливое приглашение. Мы можем от него отказаться и остаться в ловушке своей этической реконструкции, в «скуке бессмертия», как это было с Филом. А можем принять его, последовать своей естественной **склонности** и стать частью этой всеобщей гармонии. И тогда, перестав совершать выбор, мы обретем подлинную свободу — свободу быть частью совершенного целого, которое разворачивается, актуализируется через нас.